

Вечер выдался для Гарри невероятно насыщенным. Миссис Уизли, как обычно, старалась оградить его от опасной информации, но Сириус, казалось, был одержим желанием посвятить Гарри во все тайны этого беспорядка. Гарри, однако, чувствовал, что крестный отец пытается загладить свою вину перед ним. — Нет, Сириус, ты просто считаешь, что у меня было ужасное лето, — подумал Гарри. Поначалу он соглашался с этой мыслью, пока Сириус не произнес: — Сам не знаю, на что ты жалуешься. Гарри усомнился в его словах, но ответ, что последовал, прояснил все. — Лично я был бы счастлив встретить дементоров. Смертельная борьба за мою душу внесла бы приятное разнообразие в рутину. Ты думаешь, что тебе плохо? По крайней мере, ты мог выходить на улицу, размять ноги, поучаствовать в нескольких драках... А я сидел взаперти целый месяц. Сириус закончил фразу, и в голове Гарри все встало на свои места. — Как так получилось? — спросил Гарри, делая вид, что недоволен. Но внутри все переворачивалось. Его крестный отец говорил не как взрослый, а как мальчишка, жаждущий приключений и опасностей. Эта мысль Гарри не понравилась. Такое беспокойство было первым шагом на пути к гибели... — Потому что Министерство магии все еще охотится за мной, а Волдеморт уже знает о том, что я Анимэг, Червехвост все ему рассказал, и моя маскировка бесполезна. Я мало что могу сделать для Ордена Феникса... или так считает Дамблдор. И тут появилась вторая часть, которая вызывала у Сириуса чувство горечи. Дамблдор. Гарри слышал эту нотку в голосе Сириуса каждый раз, когда речь заходила о Дамблдоре этим вечером. Но не только тогда. Он замечал ее и в других спорах, и не только в этом. Гарри слышал не только горечь Сириуса, но и споры остальных, особенно миссис Уизли. Одна из самых показательных фраз принадлежала ей: — Ты не забыл, что сказал Дамблдор, я полагаю? Дамблдор. Дамблдор. И снова Дамблдор. Как будто ее аргументы обретали силу только потому, что Дамблдор их одобрил. Как будто из-за Дамблдора нужно было подчиняться. Гарри отложил услышанное на потом. Может быть, это пригодится. Сейчас он не нуждался в подобной информации. У него были другие дела — например, спор Сириуса с миссис Уизли о том, что Гарри — это Джеймс. — Он не Джеймс, Сириус! — яростно сказала миссис Уизли. Ответ Сириуса был таким же горячим, как и ее слова, хотя голос его звучал холодно, когда он произнес: — Мне совершенно ясно, кто он, спасибо, Молли. — Я не уверена, что это так! — сказала миссис Уизли. — Иногда, когда ты говоришь о нем, кажется, что ты думаешь, что вернул своего лучшего друга! Что ж, это был какой-то новый подход. Неужели они теперь полностью путали его с отцом?! Гарри внутренне пожал плечами и вернулся к другим интересным деталям поведения своего крестного отца. Он по-прежнему слушал их спор о нем, но на этот раз немного потерялся в своих мыслях. Его мысли вернулись к ужину, когда Сириус рассказал ему о пользе Мундунгуса Флетчера. Гарри до сих пор чувствовал горечь в голосе Сириуса, когда тот говорил, что Мундунгус был полезен Ордену — не говоря уже о том, что он сам чувствовал что-то кроме этого. О, да. Его крестный отец был полон горечи — и большая часть ее выливалась прямо на Дамблдора и его хронovorот, чтобы играть со своими... пешками... Гарри был уверен, что Сириус начнет действовать, как только будет в состоянии. Может быть... Эта мысль имела смысл, но Гарри пока не решался. У него были другие дела — и самые важные из них не будут решены в ближайшие несколько часов... Но они и не должны были быть решены. Вместо этого он подождал, пока они выложат ему все, что хотели сказать — внутренне усмехаясь, когда Сириус использовал термин "оружие" для описания великого плана Дамблдора. Оружие. Гарри знал оружие Дамблдора. Его звали Гарри, и ему было пятнадцать лет. К сожалению, Гарри больше не было. Но эта информация была строго засекречена до дальнейших распоряжений и потому не подлежала распространению. Не то чтобы Гарри действительно жалел Дамблдора и его планы. Наконец день закончился, и остальные отправились спать. Конечно же, Гарри последовал за ними и после этого ждал, пока не услышал храп Рона. Было уже далеко за полночь, когда Гарри снова осмелился выйти из комнаты. Он спустился по лестнице и остановился перед занавесом, скрывавшим портрет. Он осторожно приоткрыл занавеску. Изображенная на портрете дама — мать Сириуса — уставилась на него, но замолчала, как только увидела, кто осмелился открыть занавес. — Леди

Блэк, — учтиво произнес Гарри. — Лорд Малфой, — ответила она. Гарри улыбнулся. — Это Малфуар, — поправил он ее. — Английская часть моей семьи теперь может называть себя Малфоями, но я принадлежу к первому Дому. — Малфой, — повторила дама. — Как же так получилось, что чистокровный представитель такой уважаемой семьи, как ваша, оказался в компании предателей крови и грязнокровок? — Я кое-что замышляю, — ответил Гарри, пожимая плечами. — И я не только лорд Малфуар. У меня есть еще несколько Домов — и ни один из них вы не осмелились бы пересечь. По правде говоря, Малфуар даже наименее древний. — Но ты решил называться их именем, — сказала Леди Блэк, приподняв бровь. Гарри пожал плечами. — Я не Лорд в Доме моей матери, — небрежно ответил он. — Когда-нибудь я могу им стать, но до тех пор я остаюсь наследником. — Значит, ты использовал Дом своего отца, — сказала леди Блэк. — Скажите, пожалуйста, какой Дом принадлежит вашей матери? Ты, кажется, был убежден, что это напугает меня еще больше. Гарри только улыбнулся ей и спросил. — Защитный слой, который старик наложил на дом — он не позволит мне выйти и войти снова или покажет кому-то, что я действительно выходил? Леди нахмурилась. — Почему ты хочешь знать? — Я хочу принести кое-какие... вещи, — наконец сказал Гарри. — Мне нужно знать. — Старик... вы говорите о директоре Хогвартса — Дамблдоре? — Да. И я знаю, что он из уважаемой семьи. Это ничего не значит. — ответил Гарри. — Он один из наследников Гриффиндора, — сказала Леди. — Это должно что-то значить. — Дом Гриффиндор не следует его линии — даже если он хочет, чтобы люди в это верили. — сказал Гарри. — По правде говоря, домов Гриффиндор и Рейвенкло вообще никогда не существовало. Теперь леди была заинтригована. — Так вы хотите сказать, что все семейные древа с их именами — ложь? — холодно спросила старушка. Гарри снова пожал плечами. — Я просто хотел сказать вам, что никогда не существовало домов Гриффиндор, Рейвенкло или Хаффлпафф. — Были некоторые члены семьи, — начал Гарри, — которые носили эти фамилии, чтобы скрыть свое истинное происхождение. Но самих Домов, как таковых, никогда не существовало. — И откуда вы это знаете? — холодно спросила леди Блэк, прищурившись. — Не беспокойтесь, мадам, — ответил Гарри, улыбаясь, — ваш Дом по-прежнему связан кровными узами с Хаффлпаффом, и, что гораздо важнее, с самим Слизерином. — Слизерином? — леди Блэк вздрогнула, словно от удара. — Я никогда об этом не знала. Я слышала о Хаффлпаффе, но о Слизерине... — О, это не совсем так, — перебил Гарри, пожимая плечами. — Ваши семьи близки, но не являются прямыми потомками. Но это уже другая история. Сегодня я хотел бы узнать о щитах и вардах. О вашем родстве со Слизерином мы поговорим в другой раз. Леди Блэк отвела взгляд, ее лицо покрылось неясным выражением. Затем она позвала: — Креатур! Старый домовый эльф вбежал в комнату, его глаза быстро перебежали от хозяйки к Гарри, еле сдерживая насмешливую усмешку. — Креатур, — сказала леди Блэк, — это лорд Малфойр. Он чистокровный и наш родственник. Ты будешь обращаться с ним с должным почтением, ты понял? — Да, госпожа, — ответил домовый эльф, его усмешка исчезла, заменившись нескрываемым интересом. Он впился взглядом в Гарри, словно пытался прочесть его насквозь.